

Содержание

Расставание	8
Мужицкий генерал	18
Анархист из Люцина	32
Эсер и корнет	42
Дух упований.	52
Нина	60
Отплытие	70
В Аяне. Новости	80
В Аяне. Сомнения.	92
Белое и зеленое. Джуджур	100
Измена.	110
Голод	120
Отчаяние.	130
В Якутске. Миссия Строда	138
Один, совсем один	148
Разговор с мертвыми	156
Сон о Лаврике	166
Лисья поляна	174
В крепости	186
Тридцать пять кирпичей чая	198
Стены ада	208
Пороховой погреб	220
Штурм Амги.	230
Освобождение. Смерть Куликовского	238

Птица-правда	250
План Вишневого	262
Таласса!	272
Десант	286
Агнцы и беглецы	296
Суд. Вторая встреча	312
Разные судьбы. Столяр и писатель	326
Убить Сталина	342
Свобода	350
Конец пути	362
После жизни	370
Указатель имен	379
Библиография	391

Не сам иду — выбирает меня судьба.

АНАТОЛИЙ ПЕПЕЛЯЕВ

*Такова трагическая природа мира —
вместе с героем рождается его противник.*

ЭРНСТ ЮНГЕР

Расставание

ЛЕОНИД ЮЗЕФОВИЧ.

ЗИМНЯЯ ДОРОГА

1 В августе 1996 года я сидел в здании Военной прокуратуры СибВО в Новосибирске, на Воинской, 5, читал десяти томное следственное дело белого генерала Анатолия Николаевича Пепеляева. За год до моего приезда оно было передано туда из ФСБ по заявлению его старшего сына, Всеволода Анатольевича, просившего о реабилитации отца*. Такие заявления поступали тогда тысячами, у работников прокуратуры просто руки не доходили рассматривать их в установленные сроки. Выдавать следственные дела посторонним не полагалось, но в те годы служебные инструкции легко нарушались не только ради корысти.

Начальство в лице двух полковников надо мной сжалилось, узнав, что только ради этого я и прилетел из Москвы.

Я сидел в проходной комнате, а за фанерной переборкой рядом с моим столом находился кабинет одного из следователей, не слишком молодого для своего звания капитана. Иногда к нему приходили посетители, и я хорошо слышал их разговоры. Однажды он беседовал с женой арестованного командира танкового полка. Сквозь оклеенную веселенькими обоями фанеру доносился его наигранно бесстрастный голос: “Итак, это было в тот год, когда вся страна стонала под игом Рыжего...”. Имелся в виду Анатолий Чубайс, в 1995 году назначенный вице-премьером. В то время полковник списал и толкнул на сторону два танковых тягача. Следователь с мстительной методичностью излагал его жене обстоятельства сделки. Она плакала. На полях моей рабочей тетради их разговор, ее всхлипывания и металлический тон его речи отмечены как фон, на котором я переписывал в тетрадь одно из писем Пепеляева жене, Нине Ивановне: “Уже, кажется, десятое письмо пишу тебе со времени отъезда из Владивостока. Не так давно мы расстались — это было 28 августа — а сколько новых впечатлений, переживаний, сколько передума-

* Где находится это дело, сообщил мне мой старинный друг, историк, создатель мемориального музея “Пермь-36” Виктор Шмыров, и он же оплатил мне билеты в Новосибирск. В то время на такую поездку денег у меня не было. Благодарю также Т.Ю.Сибгатулину, С.С.Виленского, В.Л. и И.В.Пепеляевых, Р.С.Агаркова, К.Ю.Бурмистрова, Е.Г.Калкаева из Москвы, Т.И.Быстрых и А.В.Кудрина из Перми, Ю.Н.Пепеляева из Черногорска в Хакасии, В.Дзевалтовского и И.Матвеевко из Лудзы в Латвии и всех, чьей бескорыстной помощью я пользовался. Особая благодарность — Леониду Геннадьевичу Капустину из Муромы, который обратил мое внимание на ряд ошибок, имевшихся в первом издании этой книги, и оказал мне большую помощь при подготовке второго.

но тут, пережито тяжелого, но все утешаю себя, что дело наше правое, верю, что Господь сделал так, чтобы мы пошли сюда, что Он проведет и не бросит нас”*

Они простились 28 августа 1922 года во Владивостоке. Месяцем раньше Пепеляев прибыл сюда из Харбина, чтобы сформировать отряд добровольцев и отправиться с ним в Якутию — поддержать полыхавшее там антибольшевистское восстание. Поначалу, чтобы засекретить арену предстоящих военных действий, отряд назвали Милицией Татарского пролива, потом переименовали в Милицию Северного края, но в конце концов он стал Сибирской добровольческой дружиной. К исходу лета Пепеляев готов был отплыть с ней в порт Аян на Охотском побережье, а оттуда двинуться на запад, к Якутску.

Ему недавно исполнился тридцать один год, Нина Ивановна на год моложе. Они женаты десять лет. На фотографии, сделанной незадолго до венчания, Нина сидит с бумажным венком в пышных темных волосах, в польском или украинском платье с вышивкой, с лежащими на груди нитками длинных цыганских бус — вероятно, снялась после участия в каком-нибудь любительском спектакле или в костюме, который могла бы носить бабка по отцу. Через десять лет фотограф запечатлел ее в профиль над кроваткой с голеньким младенцем. Видно, что она высокого роста, сколотые на затылке волнистые волосы стали еще пышнее, как бывает после родов, но заметны и тяжелый подбородок, и длинный нос. Такой Нина Ивановна осталась в памяти мужа.

Все сохранившиеся в деле письма Пепеляева к жене написаны им в Якутии. Ни одно из них до нее не дошло. Судя по тому, что он перед ней постоянно оправдывался, ссылаясь то на пославшую его в этот поход высшую волю, то на долг перед народом, Нина Ивановна без восторга отнеслась к перспективе остаться на неопределенный срок одной с двумя маленькими детьми на руках и едва ли приняла это со смирением. Пепеляев уверял ее, что разлука продлится не больше года, но на год жизни смог оставить семье лишь скромную сумму в тысячу рублей. Это, надо думать, не прибавляло Нине Ивановне оптимизма. К тому же она видала кое-кого из тех, кто подбил ее мужа плыть в Якутию, и не могла не думать, что добром это не кончится.

* Источники указаны в разделе “Библиография” в конце книги.

Пепеляев чувствовал себя виноватым перед женой и накануне отъезда хотел подарками поднять ей настроение. На первых страничках вложенного в следственное дело блокнота, который скоро станет его дневником, а пока что служил для деловых заметок и учета денежных трат, под рубрикой “Собственные деньги”, отчасти объясняющей, почему при огромных возможностях он всегда был беден, записано в столбик:

Нине сумочка — 10 р.

Надпись (видимо, на сумочке, памятная. — Л.Ю.) — 10 р.

Цепочка — 10 р.

Браслет — 15 р.

Здесь же перечислены другие расходы: на зубного врача (в ближайшие месяцы поставить пломбу ему будет негде), на продукты для матери (пуд сахара, десять фунтов масла, фунт кофе и проч.), на оплату квартиры, на дрова (за колку отдельно), наконец, на фотографа — 17 рублей. Немалая сумма говорит о том, что сделано было несколько снимков. Фотография самого Пепеляева предназначалась, должно быть, Нине Ивановне, а фото жены и сыновей он хотел взять с собой в Якутию. Старшему, Всеволоду, было без малого девять лет, Лавру — четыре месяца. Мальчику возле кровати и младенцу в кроватке, над которым склонилась пышноволосяя женщина, на вид примерно столько и есть, значит, это дубликат одного из тех самых снимков, но в следственном деле я их не нашел. Возможно, они не были отобраны и оставались у Пепеляева в тюрьме до и после судебного процесса 1924 года. Порядки в тогдашних советских домзаках и политизоляторах были еще довольно мягкими.

Незадолго до отплытия Нина Ивановна с Севою и Лавриком из Харбина приехала во Владивосток проститься с мужем. Дорога была относительно недалней — меньше суток на поезде. Погода стояла теплая, вода в море еще не остыла. В старости Всеволод Анатольевич вспомнит, как они всей семьей ходили купаться, отец плыл, а он сидел на плечах у отца.

28 августа или Нина Ивановна проводила мужа на пароход, или Пепеляев посадил ее с детьми на поезд до Харбина и расстался с ними на платформе. На следующий день минный транс-

порт “Защитник” и канонерская лодка “Батарея” с Сибирской дружиной на борту вышли из владивостокской гавани и взяли курс на север.

ЛЕОНИД ЮЗЕФОВИЧ.
ЗИМНЯЯ ДОРОГА

2 Вместе с Пепеляевым из Владивостока в Аян отплыл полковник Эдуард Кронье де Поль, военный инженер, варшавянин, с дореволюционных времен служивший на Дальнем Востоке. Он взял с собой новенькую записную книжку, которую через год у него изымут. Я нашел ее в том же следственном деле Пепеляева, объединенном с делами судимых вместе с ним офицеров.

Во время недельного плавания Кронье де Поль карандашом сделал в ней длинную запись: “Идея смерти должна быть наиболее совершенной и ясной из наших идей как самая упорная и неизбежная среди них, на деле же она остается наиболее неразвитой. Когда приходит смерть, мы хватаемся за две-три мысли о ней, ничего иного у нас нет. Всю жизнь мы отворачивались от нее, и эти две-три мысли, на которые мы думали опереться, ломаются как тростник под тяжестью последних минут.

Мы не можем понять эту силу, потому что не смотрим ей в лицо, и бежим от нее, потому что не понимаем и боимся. Смотри смело смерти в глаза и старайся понять ее, тогда она не покажется ужасной. Если Бог дал нам разум, Он не может требовать, чтобы мы не верили разуму, а брали всё на веру. Мы, люди, не имеем силы большей, чем разум. Чувства и инстинкты — ничто перед ним...”

В преддверии боев и походов интеллигенту естественно было размышлять о смерти, но Кронье де Поль готовился к встрече с ней, как к столкновению с превосходящими силами неизвестного противника — хотел свести угрозу к нескольким вариантам, выбрать самый вероятный и принять необходимые меры. На победу рассчитывать не приходилось, но в этом случае можно было хотя бы погибнуть с честью.

“Смерть, — пишет он, — если судить о ней на основании разума, может принять четыре вида:

I полное уничтожение;

II продолжение жизни с нашим теперешним сознанием;

III продолжение жизни без всякого сознания;

IV продолжение жизни с новым сознанием, каким мы теперь не обладаем.

Рассмотрим их по отдельности.

Полное уничтожение невозможно, ибо мы — часть бесконечности, в которой ничто не погибает.

Теперешнее наше сознание сосредоточено вокруг нашего «я», а это возможно лишь при наличии тела, значит, после его исчезновения теперешнее наше сознание невозможно.

Самое простое предположение о смерти — бессмертие без сознания, однако и это невозможно, ибо если тело исчезнет, то и мысль, отделенная от своего источника, угаснет и растворится в безграничном мраке.

Остается последнее — продолжение жизни с новым сознанием. Это предполагает, что наше новое «я» зародится и разовьется в бесконечности. Мы не можем быть чуждыми вселенной, как сами не допускаем в себе чуждых нам частей. Наше мучительное непонимание смерти должно было возникнуть во Вселенной раньше нас, и после нашей смерти оно вновь растворится в ее бесконечности”*

Я читал эти изысканные софизмы в полной уверенности, что они принадлежат владельцу книжки, но под последним из них обнаружилось указание на источник: “Метерлинк, т. V”. Том из его собрания сочинений Кронье де Поль захватил с собой в Якутию, как кто-то брал учебник английского или руководство по перегонке древесины в скипидар и спирт.

После цитат из Метерлинка записей нет, лишь в самом конце пять-шесть листочков испещрены мастерскими карандашными рисунками лошадей и птиц. Между ними вложена фотография толстогубой девушки с глазами навывкате. На обороте надпись:

“На память дорогому мужу. Пусть не забывает свою жену, которой дал имя Мимка”.

З 16 сентября 1922 года, через десять дней после того, как Сибирская дружина Пепеляева высадилась в Аяне, на Иерусалимском кладбище в Иркутске с воинскими почестями опустили в могилу тело Нестора Каландаришвили — леген-

* Архив УФСБ РФ по Новосибирской области, д. 13069, т. 9, л. 1–2.

дарного анархиста, воевавшего с белыми под черно-красным знаменем “матери порядка”, но незадолго до смерти подавшего заявление о приеме в РКП(б). Чернобородый красавец с ниспадающими на плечи волосами, храбрец и оратор, что вместе встречается нечасто, он был актером в Кутаиси, боевиком в Батуми, командовал таежными партизанскими полками, пытался помешать Унгерну уйти в Монголию, создал революционную армию из корейских эмигрантов и погиб за полгода до похорон, под Якутском. Шесть месяцев посмертного непокоя оставили на нем свой след. С весны тело держали на леднике, а на пароходе, который вез его вверх по Лене, имелась холодильная камера, и все-таки на лицо покойного лучше было не смотреть.

Пароход с замороженным телом приплыл с севера, а девятью месяцами раньше Каландаришвили, назначенный командующим всеми вооруженными силами Якутии, с Северным отрядом в триста бойцов по тракту вдоль той же Лены, тогда скованной льдом, из Иркутска выступил в обратном направлении — ему поручено было покончить с восстанием, которое теперь собирался поддержать Пепеляев.

Перед походом Каландаришвили говорил, что его цель — не “истребление несчастной горсточки белогвардейских офицеров”, ставших военспецами у повстанцев, а помощь подпавшим под железную пяту военного коммунизма якутам и тунгусам. По его словам, “борьба наций еще в давние времена загнала их на Крайний Север из великой Чингисхании”, сотни лет эти “бедные племена” страдали под гнетом суровой природы и царских чиновников, а ныне “революция докатилась до них в уродливых формах”. В роли проконсула мятежной провинции Каландаришвили хотел не столько ее усмирить, сколько умиротворить, но 6 марта 1922 года, не доехав до Якутска тридцать верст, нарвался на засаду и погиб.

Из всей его группы уцелел только тяжело раненный и принятый нападавшими за мертвого начштаба Бухвалов, но и он скоро умер, ничего толком не успев рассказать. Ход событий восстановили по следам на снегу и положению трупов. Этим занялся командир головного эскадрона Иван Строд. В тот день он с авангардом отряда находился уже в Якутске, о случившемся узнал по телефону и на место гибели товарищей поспел лишь к вечеру.

“Мороз гулкими шагами делает свой ночной обход, трещит лед на Лене, — вспоминал Строд открывшуюся перед ним картину. — Черными, неподвижными, окоченевшими точками разбросаны по снегу те, кого здесь настигла смерть”.

Отряд считался конным, исчислялся не в штыках, а в саблях, и делился на эскадроны, но верховых лошадей должны были получить на месте. Двигались в санях и крытых кошевках. Каландаришвили со штабом, демонстрируя миролюбие и желая вызвать у якутов доверие к себе, ехал не таясь, без походных застав и разведки, и повстанцы об этом знали. Нападение произошло на льду Техтюрской протоки Лены. Узкая дорога вилась между островами, по сторонам ее поднимались обрывистые берега, поросшие тальником. Сидевшие в засаде якуты стреляли с такого близкого расстояния, что пыжи из ружей долетали до цели вместе со свинцом, их потом находили на телах убитых. Передние лошади были расстреляны в упор, задние налетали на них, пугались, заскакивали на соседние сани, ломая их и давя седоков. Повернуть назад было невозможно, люди спрыгивали на дорогу, пытались отстреливаться. Каландаришвили, раненный в бок, с маузером в руке побежал навстречу показавшимся наверху якутам, но пули перебили ему обе ноги, он упал. Когда Строд нашел любимого командира, его окостеневшая правая рука была поднесена к виску, где смерзлась кровь из четвертой, смертельной раны. Осталось неизвестным, убили его или он все-таки успел застрелиться из маузера, который потом забрали повстанцы.

Тех, кто не умер сразу, добились потом. Погибли все ехавшие с Каландаришвили сорок шесть бойцов и командиров, девять крестьян-возничих и жена отрядного адъютанта Нина Медвяцкая. Она лежала рядом с мужем, но тела еще двух женщин найдены не были. Это означало, что шифровальщицу Екатерину Гошадзе и возвращавшуюся домой из Иркутска студентку-рабфаковку Брайну Карпель, сестру служившего у Каландаришвили якутянина Исаю Карпеля, повстанцы увели с собой. Сам Карпель остался жив, потому что с частью отряда задержался в селе Покровском из-за нехватки подменных лошадей. О дальнейшей судьбе сестры он узнает в конце лета. По легенде — не узнает никогда.

Тела привезли в Якутск, но с погребением решили не спешить. До весны было далеко, мороз надежно хранил мертвых от